

ПОБЕДИТЕЛИ

фронтовые

мемуары

ИВАН КОЖЕДУБ

Верность Отчизне

Ищущий боя

Москва
2013

УДК 355/359
ББК 68
К 58

Дизайн переплета *Юрия Щербакова*

Кожедуб И. Н.
К 58 Верность Отчизне. Ищущий боя / Иван Кожедуб. —
М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 576 с.

ISBN 978-5-699-67649-1

Эта книга — самое полное, дополненное и исправленное, издание мемуаров лучшего советского аса, трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба, на боевом счету которого 64 уничтоженных самолета Люфтваффе. В это число не вошли два американских истребителя «Мустанг», которые в апреле 1945 года по ошибке обстреляли самолет Кожедуба над Берлином и были немедленно сбиты в ответной атаке. Шесть лет спустя Ивану Никитовичу довелось еще раз схватиться с бывшими союзниками — теперь уже в Корее, где он командовал 324-й иад, самой результативной авиадивизией Корейской войны, которая уничтожила 216 американских самолетов, потеряв лишь 27 машин и 9 летчиков.

«Безупречный боец, летчик и командир, убежденный бесстребеник, он не обладал «вельможными» качествами, не умел и не считал нужным льстить, интриговать, лелеять нужные связи».

Человек Долга и Чести, беззаветно преданный Родине, И.Н. Кожедуб не пережил гибели Отечества — он скончался от сердечного приступа 8 августа 1991 года...

В данном издании учтена собственноручная правка автора, внесенная в рукопись незадолго до смерти. Кроме того, мемуары великого аса дополнены его письмами с Корейской войны, уникальными фотографиями из семейного архива, схемами воздушных боев, а также кадрами фотокинопулеметов, запечатлевших победы лучшего «сталинского сокола».

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-67649-1

© Кожедуб И. Н., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИЩУЩИЙ БОЯ

В год шестидесятилетия Великой Победы Ивану Кожедубу исполнилось бы 85 лет¹. Для одних Иван Никитович — символ великой эпохи, трижды Герой Советского Союза, забронзовевший маршал авиации, легендарный и непобедимый, — где-то рядом с Пересветом, Пожарским и Суворовым. Для других он — великий летчик, всегда ищущий боя, лучший советский ас, имеющий на своем счету рекордное количество «лаптей» и «фок», а во время Корейской войны заслуживший еще и авторитет выдающегося военачальника. Для третьих — а их, к сожалению, все меньше — веселый и заботливый боевой друг, товарищ, командир. Для четвертых — хлебосольный хозяин, добрейший, неистощимый на выдумку человек, полный своего неповторимого юмора.

Его жизнь проста и ясна — как на ладони.

Иван Кожедуб родился в селе Ображеевка, что неподалеку от Шостки, в исконно русских местах, где некогда проходили на бой с половцами дружины Игоря Святославича. Младший, пятый ребенок в семье, Иван рос в крайней бедности. Отец его, Никита Илларионович, рано подорвал здоровье, но был человеком грамотным и даже философски подкованным. Наверное, его складные речи да удивительные знания были не последним доводом в ухаживаниях за Стефанидой Веремес — красивой девушкой из небогатой семьи. Однако брак с «неровней» пришелся не по вкусу ее строптивому отцу, и Стефаниде отказали в приданом.

Иван не был в детстве озорником, умел хорошо рисовать, к шести годам, «по оберткам», выучился читать. Окончив 7 классов, он поступил на Рабфак Шосткинского химико-технологического техникума, а в 1938 году, восхищенный формой учлетов, пришел в аэроклуб.

¹ Хотя, возможно, официальная дата рождения И.Н. Кожедуба неверна — со слов жены, он родился не 8 июня 1920 г., а 6 июля 1922 г. и впоследствии приписал себе два года, чтобы поступить в техникум.

В апреле 39-го он совершил свой первый полет, испытал незабываемые ощущения. Красоты родной земли, открывшиеся с полторакилометровой высоты из кабины У-2, произвели на юношу неизгладимое впечатление.

В начале 1940 года, так и не закончив техникум и не став «специалистом по порохам», Кожедуб получает направление в Чугуевское военное училище летчиков, где последовательно проходит подготовку на УТ-2, УТИ-4, И-16. Осенью того же года, совершив два чистых полета по круту, он, к своему глубокому разочарованию, был оставлен в училище инструктором.

Он много летает, экспериментирует, оттачивает пилотажное мастерство. *«Было бы можно, кажется, не вылезал бы из самолета. Сама техника пилотирования, илифровка фигур доставляли мне ни с чем не сравнимую радость»*, — пишет Иван Никитович в этой книге, раскрывая тем самым суть летчика.

Весть о начале войны заставила сержанта Кожедуба (по иронии судьбы в «золотом выпуске» 1941 г. летчики были аттестованы не лейтенантами, а сержантами) еще более настойчиво заниматься летным самообразованием, изучать вопросы тактики, конспектировать редкие и не очень объективные описания воздушных боев, появлявшиеся в газетах. Дни, в том числе и выходные, были расписаны по минутам и подчинены единой цели — стать достойным воздушным бойцом. Обладая хорошим пространственным воображением, он живо представлял себе картины воздушных поединков, умозрительно проигрывал варианты, отмечал и запомнил то, что казалось важным.

Большое впечатление произвела на него речь Сталина, произнесенная 7 ноября 1941 года. Несколько ключевых фраз из той речи Кожедуб занес в свою записную книжку, хранившую также контуры самолетов и схемы воздушных боев. Суеверный, как большинство летчиков, он считал эту книжку своим талисманом и брал в каждый вылет. Заносить мысли на бумагу, анализируя происходящие события, стало для него привычкой: всю жизнь он вел дневники.

Поздней осенью 1942 года, после многочисленных просьб и рапортов, старший сержант Кожедуб в числе других инструкторов и выпускников училища был направлен в Москву, на пункт сбора летно-технического состава, откуда подал в 240-й истребительный авиационный полк.

Еще в августе 240-й *иап* одним из первых был вооружен новейшими в то время истребителями Ла-5. Однако переучивание провели наспех, за 15 дней, при эксплуатации машин вскрылись конструктивные и производственные дефекты, и,

понеся на Сталинградском направлении тяжелые потери, уже через 10 дней полк был выведен с фронта. Кроме командира полка майора И. Солдатенко, в строю оставалось лишь несколько летчиков... Следующие подготовка и переучивание проводились уже основательно: в конце декабря 1942 г., после напряженной месячной теоретической подготовки с ежедневными занятиями, летчики приступили к полетам на новых машинах.

В одном из тренировочных вылетов, когда сразу после взлета из-за поломки двигателя тяга резко упала, Кожедуб решительно развернул самолет и спланировал на край летного поля. Сильно ударившись при посадке, он на несколько дней выбыл из строя и к моменту отправки на фронт едва налетал на новой машине всего 10 часов. Этот инцидент был лишь началом долгой полосы неудач, преследовавших летчика в начале его ратного пути.

При распределении новых самолетов Кожедубу досталась тяжелая пятибачная машина с бортовым номером 75. Во время своего первого боевого вылета на прикрытие аэродрома, пытаясь атаковать группу бомбардировщиков, он попал под удар вражеских истребителей, а затем в зону огня своей же зенитной артиллерии. Самолет получил тяжелые повреждения от пушечной очереди Ме-109 и от попадания двух зенитных снарядов. Кожедуб тогда чудом остался жив: бронеспинка защитила его от фугасного снаряда авиационной пушки, а ведь в ленте фугасный снаряд, как правило, через один чередовался с бронебойным...

После ремонта его Ла-5 мог именоваться боевой машиной лишь условно. На боевые задания Кожедуб вылетает редко и на «остатках», т.е. на свободных самолетах, которых было меньше, чем летчиков. Однажды его и вовсе чуть не забрали из полка на пост оповещения. Лишь заступничество Солдатенко, то ли разглядевшего в молчуне-неудачнике будущего великого бойца, то ли пожалевшего его, спасло Ивана от перепрофилирования.

Только на Курской дуге, во время сорокового боевого вылета, сам уже став «батей» — заместителем комэска, Кожедуб сбил своего первого немца — «лаптежника» Ю-87. После этой победы его счет начинает быстро расти — выполняя нелюбимые истребителями задания по прикрытию наземных войск и сопровождению, Кожедуб одержал здесь 4 официальные победы.

Взыскательный и требовательный к себе, неистовый и неотомимый в бою, феноменально выносливый к перегрузкам,

он становится идеальным воздушным бойцом, инициативным и исполнительным, дерзким и расчетливым, отважным и умелым, рыцарем без страха и упрека. *«Точный маневр, ошеломляющая стремительность атаки и удар с предельно короткой дистанции»*, — так Кожедуб определял основу воздушного боя. Впрочем, сам он, будучи прекрасным стрелком (в том числе, кстати, и из личного оружия, о чем есть свидетельства с полковых и дивизионных стрельб, — на пятидесяти метрах он умел отстрелить горлышко у бутылки), будучи настоящим снайпером, Кожедуб предпочитал атаковать самолеты противника с 200—300 метров, редко, по обстоятельствам, сближаясь на более короткую дистанцию. Он был рожден для боя, жил боем, жаждал его. Вот характерный эпизод, подмеченный другим великим асом, однополчанином Кожедуба, Кириллом Евстигнеевым: *«Как-то Иван возвратился с задания, разгоряченный боем, возбужденный и, может быть, поэтому непривычно словоохотливый: — Вот гады дают! Не иначе как «волки» из эскадрильи «Удет». Но мы им холку намяли — будь здоров! — и, показав в сторону КП, он с надеждой спросил адъютанта эскадрильи: — Как там? Ничего больше не предвидится?»*

Отношение Кожедуба к машине приобретало черты религии, той ее формы, что носит название аниматизма. *«Мотор работает четко. Самолет послушен каждому моему движению. Я не один — со мной боевой друг»*, — в этих строках отношение аса к самолету чуть ли не как к одушевленному существу. И это не поэтическое преувеличение, не метафора. Подходя к машине перед вылетом, Кожедуб всегда находил для нее несколько ласковых слов, в полете разговаривал как с товарищем, выполняющим важную часть работы. Ведь, помимо летной, трудно найти профессию, где судьба человека больше бы зависела от поведения машины.

Всего за войну он сменил 6 «лавочкиных», и ни один самолет не подвел его. И он не потерял ни одной машины, хотя случалось гореть, привозить пробоины, садиться на усеянные воронками аэродромы.

Из его машин наиболее известны две. Одна — Ла-5ФН, построенная на деньги колхозника-пчеловода В. Конева, с яркими, белыми с красной окантовкой, надписями по обоим бортам (а ведь летчики особенно не любили броских примет), имела удивительную фронтовую судьбу. На этом истребителе Кожедуб провоевал май — июнь 1944 г., сбив 7 немецких самолетов. После его перевода в 176-й *гитп* на этой машине несколько боевых вылетов совершил П. Брызгалов, а

затем К. Евстигнеев, уничтоживший на ней еще 6 вражеских самолетов.

Другой прославленный истребитель Кожедуба — Ла-7, бортовой номер 27 — сегодня можно увидеть в Музее ВВС (Монино). На нем Иван Никитович летал в «маршальском» *gип*, на нем закончил войну, на нем сбил 17 вражеских машин.

А всего за годы войны Кожедуб совершил 330 боевых вылетов, провел 120 воздушных боев, лично сбив 62 самолета, — это лучший результат в авиации союзников.

О своем боевом пути Иван Никитович подробно рассказал в этой книге. Добавим то, о чем он, по различным причинам, не мог написать.

Так, Кожедуб не упомянул, что один из офицеров полка, замкомэска Тимофеев, сбитый еще в начале войны, был переведен в плену немцами и, по возвращении на фронт, довольно нагло пытался наладить подрывную работу. Наглость и стубила его — еще до начала интенсивных боев он был арестован Смершем. В одном из парных боевых вылетов Тимофеев пытался поставить Кожедуба в безвыходную ситуацию, но то ли приобретенное мастерство, то ли предопределенность спасли Ивана Никитовича... А вообще за годы войны Кожедубу довелось летать в паре с добрым десятком летчиков — чаще других с В.Ф. Мухиным и В.А. Громаковским, — причем он не потерял никого из своих ведомых.

К сожалению, мало пишет он и о том, что среди летчиков полка был человек, ставший для него живым примером, — Кирилл Алексеевич Евстигнеев. Этот ас почти всю войну опережал Кожедуба по числу официальных побед, уступив ему первенство только в 1945 году.

И наконец, еще один малоизвестный факт, о котором Ивану Никитовичу пришлось умолчать в мемуарах. В самом конце войны Кожедуб пополнил свой боевой счет еще и двумя американскими истребителями Ф-51 «Мустанг», которые по ошибке попытались атаковать его над Берлином, но были немедленно сбиты при отражении атаки. Как рассказывал мне сам Иван Никитович, 17 апреля 1945 года, встретив в воздухе «Летающие крепости» союзников, он заградительной очередью отогнал от них пару «мессершмиттов», но через секунду сам был атакован американскими истребителями прикрытия.

«Кому огня? Мне?! — с возмущением вспоминал Кожедуб полвека спустя. — Очередь была длинной, с большой, в километр, дистанции, с яркими, в отличие от наших и немец-

ких, трассирующими снарядами. Из-за большого расстояния было видно, как конец очереди загибается вниз. Я перевернулся и, быстро сблизившись, атаковал крайнего американца (по количеству истребителей в эскорте я уже понял, кто это) — в фюзеляже у него что-то взорвалось, он сильно запарил и пошел со снижением в сторону наших войск. Полупетлей выполнив боевой разворот, с перевернутого положения, я атаковал следующего. Мои снаряды легли очень удачно — самолет взорвался в воздухе...

Когда напряжение боя спало, настроение у меня было совсем не победным — я ведь уже успел разглядеть белые звезды на крыльях и фюзеляжах. «Устроят мне... по первое число», — думал я, сажая машину. Но все обошлось. В кабине «Мустанга», приземлившись на нашей территории, сидел здоровенный негр. На вопрос подоспевших к нему ребят, кто его сбил (вернее, когда этот вопрос сумели перевести), он отвечал: «Фокке-Вульф» с красным носом... Не думаю, что он тогда подыгрывал; не научились еще тогда союзники смотреть в оба...

Когда проявили пленки ФКП¹, главные моменты боя оказались зафиксированы на них очень четко². Пленки смотрело и командование полка, и дивизии, и корпуса. Командир дивизии Савицкий, в оперативное подчинение которому мы тогда входили, после просмотра сказал: «Эти победы — в счет будущей войны». А Павел Федорович Чутиков, наш командир полка, вскоре отдал мне эти пленки со словами: «Забери их себе, Иван, и никому не показывай».

Это было одно из нескольких боевых столкновений советской и американской авиации, случившихся в 1944-1945 годах...

После окончания войны гвардии майор Кожедуб был направлен в Академию ВВС в Монино³. В ноябре 1945 года в

¹ ФКП — фотокинопулемет.

² Вы можете видеть эти уникальные кадры на первой вкладке.

³ Вместе с Кожедубом в Академию ВВС были приняты дважды Герои Советского Союза летчики-истребители Н.Д. Гулаев, А.Е. Боровых, С.Д. Луганский, штурмовики Т.Я. Бегельдинов и Л.И. Беда, еще более 50 слушателей были Героями Советского Союза. Три выпускника из числа слушателей 22-го приема (в Академии ВВС выпуск считался по номеру приема) стали маршалами авиации (Кожедуб, Кирсанов, Силантьев), 44 — генералами. Заметим, что в следующем, 23-м приеме было еще больше Героев и дважды Героев Советского Союза — 111 человек — в этом отношении он стал рекордным. Недаром тот прием прозвали «золотой ордой».

монинской электричке он встретил красавицу десятиклассницу Веронику и вскоре сделал ей предложение. 2 января они расписались и отметили это событие (свадьбой его назвать трудно) в одном из штабных помещений аэродрома Теплый Стан.

Искреннюю любовь к Веронике Николаевне, своему «главному адъютанту и помощнику», Иван Никитович пронес через всю жизнь. В письмах к обожаемым жене и дочери, впервые опубликованных в данной книге, этот грозный боец, наводивший ужас на врагов, предстает человеком нежным и трогательным до сентиментальности.

Женщина необыкновенной красоты, энергичная, изящная, легкая, Вероника Николаевна была способна вести непринужденную содержательную беседу — и успешно торговаться на рынке, участвовать в многокилометровых морских заплывах и классно водить автомобиль, помнить сотни встреченных ею людей, их имена, лица, привычки. Она любила и умела прекрасно, с фантазией, готовить, собирала произведения живописи, дружила со многими известными художниками¹, гроссмейстерски играла в преферанс, но могла и резким словом оборвать терявшего дистанцию собеседника...

В 1947 году у Ивана Никитовича и Вероники Николаевны родилась дочь, которую назвали Наташей.

Учеба в Академии ВВС поначалу давалась Кожедубу нелегко — отвлекали бесконечные приглашения на вечера, праздники, юбилеи, просто дружеские посиделки. Добрейший человек, он был не в состоянии, как Покрышкин, жестко и решительно сказать «нет». Да и приглашения были непростыми — то от трудового коллектива ЗиСа, то от известных артистов, то от комендатуры Кремля. *«Мрачные, похожие на ворон, люди в погонах с синими просветами —*

¹ Вероника Николаевна всю жизнь гордилась тем, что помогла прекрасному художнику А.И. Лактионову, ютившемуся с большой семьей в крошечной комнате, решить квартирный вопрос. На одном из приемов в Моссовете, где присутствовал и художник, она вместе с ним подошла к председателю Исполкома Моссовета Г.М. Попову и в свойственной ей ненавязчивой и остроумной манере посетовала, что, дескать, налицо объективное противоречие между размерами картины (речь шла о знаменитом полотне Лактионова «Письмо с фронта») и размерами квартиры художника. Остроумие было оценено, обещания исправить противоречие даны, свидетелей было много — и вскоре Лактионов получил новую просторную квартиру.

жуть», — вспоминала последних Вероника Николаевна. Изредка приезжали однополчане, соратники — молодые, веселые, сильные. Надо ли говорить, что большинство этих встреч заканчивались выпивкой, нередко весьма серьезной. Большим любителем выпить был Н. Ольховский, бывший командир Кожедуба. Его визиты сразу принимали заданную им направленность и заканчивались за полночь, а то и на следующий день.

Поскольку отец Ивана Никитовича умер в 1945 году, так и не дождавшись сына с войны, а мать отошла в мир иной еще раньше, в 36-м, — отеческие функции в какой-то степени принял на себя маршал авиации Ф.Я. Фалалеев: он как мог ограждал Кожедуба от приглашающих, дал команду не пускать в Академию визитеров, в том числе и в форме, оберегал от мошенников, которых хватало и в те времена. (Заметим, что и Академию ВВС Иван Кожедуб выбрал в июне 1945 года после беседы с Фалалеевым. Некоторые советовали ему, по примеру Покрышкина, Алелюхина, Лавриненкова, идти в Академию им. Фрунзе.) Но у Фалалеева не было главного — здоровья, которое он подорвал в годы войны, будучи заместителем командующего ВВС и лично докладывая Сталину о боевой работе авиации. Умер Фалалеев в 1955 году.

Да и состояние здоровья самого Кожедуба ко времени окончания монинской Академии оставляло желать лучшего — чудовищные затраты нервной энергии в воздушных боях, испытания медными трубами после войны не могли не отразиться на его самочувствии: появились проблемы с сердцем, носоглоткой. Но, несмотря ни на что, Иван Никитович успешно окончил командный факультет Академии ВВС, получив за дипломную работу отличную оценку, и был назначен на должность командира под Баку. Однако В.И. Сталин оставляет его под Москвой, в Кубинке, помощником заместителя, заместителем, а затем и командиром 324-й *иад*, в составе которой Ивану Никитовичу доведется еще раз окунуться в «реку войны» — первой войны новой реактивной эры — и вновь добыть для своей Родины великую ратную славу.

В конце 1950 года дивизия Кожедуба, одной из первых перевооруженная на реактивные истребители МиГ-15¹, была

¹ Удивительно, что среди сотен авиамоделей из десятка стран мира, продаваемых в Центральном универсаме «Детский мир» в Москве, ни в 2004-м, ни в 2005 году не было ни одной модели МиГ-15, наверное, самого прославленного реактивного истребителя советских ВВС.

отправлена на Дальний Восток. С марта 1951 года по февраль 52-го в небе Кореи дивизия сбила спесь с воинственных янки, одержав 216 побед и потеряв лишь 27 самолетов и 9 летчиков¹. Кожедубовцы не только «завалили» 12 американских «сверхкрепостей» (именно катастрофические потери стратегических бомбардировщиков Б-29 в Корее заставили США отказаться от планов ядерного нападения на Советский Союз), но и захватили драгоценный трофей — новейший американский истребитель Ф-86 «Сейбр», который был подбит Е. Пепеляевым и совершил вынужденную посадку на северо-корейской территории, откуда его вывезли в СССР и подвергли детальным исследованиям, так что последующие модели микояновского КБ во многом обязаны этому трофею.

Хотя самому Кожедубу строго-настрого запрещалось лично участвовать в боевых действиях, под его командованием 324-я *иад* имела в Корее наивысшую «боевую производительность» (число побед к количеству боевых самолетов) и наименьшие относительные (к боевому вылету) потери в самолетах и летчиках. Боевая работа 324-й *иад* в Корее навсегда останется ярчайшей страницей российской военной истории, а ее командир заслужил право называться не только величайшим советским асом, но и выдающимся военачальником.

После Кореи была служба под Калугой, в Инютино, затем Академия Генштаба, по окончании которой в 1956 г. И.Н. Кожедуб был назначен первым замом начальника Управления боевой подготовки ВВС страны. С мая 1958 по 1964 год он был заместителем командующего ВВС Ленинградского, а затем Московского военных округов. До 1970 г. Иван Никитович регулярно летал на истребителях, освоил десятки типов самолетов и вертолетов. Последние полеты он совершил на МиГ-21. С летной работы ушел сам и сразу.

Части, которыми командовал Кожедуб, всегда отличались низким уровнем аварийности, и сам он как летчик не имел аварий, хотя «нештатные ситуации», конечно, случались. Так, в 1966 г., во время полета на малой высоте, его МиГ-21 столкнулся со стаей грачей; одна из птиц попала в воздухозаборник и повредила двигатель. Для посадки машины потребовалось все его летное мастерство.

После Московского военного округа Кожедуба вернули на должность зама начальника Управления по боевой подготовке ВВС, откуда он был переведен почти двадцать лет назад...

¹ Подробнее об участии И.Н. Кожедуба в Корейской войне см. в конце книги.

Безупречный воздушный боец, выдающийся авиационный командир, он не мог найти себя в мирное время, не обладал вельможными качествами, не умел заискивать и льстить, интриговать и лелеять нужные связи. Казалось, он даже не замечал ревности к своим орденам и славе.

В орденом наборе Ивана Никитовича три звезды Героя Советского Союза, два ордена Ленина, семь орденов Красного Знамени¹, орден Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, 2 ордена Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени, иностранные ордена...

Среди друзей Кожедуба были самые разные люди. Нередко он появлялся в обществе великого тенора И.С. Козловского, режиссера С.Ф. Бондарчука и писателя А.В. Софронова, дружил с актерами И.В. Переверзевым и Б.Ф. Андреевым, скульпторами Н.В. Томским и Л.Е. Кербелем, художниками А.И. Лактионовым и Б.М. Щербаковым, конструкторами В.П. Глушко и С.А. Лавочкиным. Часто, и отнюдь не в лучшие для маршала годы, по-дружески бывал у Г.К. Жукова.

Но главное место в душе Ивана Никитовича занимали все же фронтовые друзья: Евстигнеев и Мухин, Чупиков и Куманичкин, Ольховский и Громаковский... А ближайшим товарищем был, наверное, Евгений Васильевич Петренко, его земляк, полковник, Герой Советского Союза, бывший летчик-испытатель Северного флота. Человек неистощимого юмора, любитель всевозможных шуток и розыгрышей, он был родственен Кожедубу своей склонностью к сатирическим эскападам, каламбурам и анекдотам.

Домашние помнят десятки поговорок, которыми Иван Никитович разнообразил свои речи: «Людына нэ птица» — в ответ на просьбу поторопиться; «Ведешь осмотр задней полусферы?» — к заглядевшемуся на незнакомку приятелю; «У-у, какой у тебя подвесной бачок образовался!» — удивлялся он животу потолстевшего товарища.

Вместе с тем Иван Никитович был человеком исключительно вдумчивым, склонным к анализу. Еще в юности он завел дневник, куда заносил тщательно отобранные, необходимые воздушному бойцу факты, делал выводы, строил планы, — и впоследствии вел эти записные книжки всю жизнь.

¹ Напомним, что 8 орденов Красного Знамени исхлопотал себе лишь И.И. Пстыго, а по 7 орденов, кроме И.Н. Кожедуба, имеют выдающиеся воины С.М. Буденный, В.Ф. Голубев, С.Д. Горелов, Б.Д. Мелехин, П.Ф. Заварухин, М.И. Бурцев.

Собрал большую библиотеку и много читал¹. Особенно ценил Есенина, Шолохова, К. Симонова

Хорошо играл в преферанс и шахматы, любил бильярд и теннис.

Не любил мрачную музыку; когда ее включали — хмурился и сердился...

Национальный герой, он всю свою жизнь был вынужден вести гигантскую общественную работу. Приятной была, пожалуй, должность вице-президента ФАИ: тут и свои люди — летчики, космонавты, — и летные мероприятия, и заграничные командировки. Депутат, председатель, президент десятков различных обществ, комитетов и федераций, Иван Никитович Кожедуб был одинаково честен и с первым лицом государства, и с провинциальным правдоискателем.

Он остро переживал события текущей политики, с сомнением относился к перестройке, возмущался войной, развязанной США в Ираке.

Умер Иван Никитович у себя на даче, в Монино, от сердечного приступа, 8 августа 1991 года, не дожив двух недель до развала Великого государства, частью славы которого был он сам.

Имя этого великого бойца и военачальника сохранится, пока жива русская земля. Рядом с именами защитников пределов России — князя Святослава и Владимира Мономаха, Александра Невского и Евпатия Коловрата, Кузьмы Минина и Александра Суворова, Петра Багратиона и Алексея Брусилова, Георгия Жукова и Константина Рокоссовского — навсегда останется имя победителя Люфтваффе и ЮЭс эйр форс Ивана Никитовича Кожедуба.

* * *

В своей жизни, помимо десятков статей, обращений, предисловий, И.Н. Кожедуб написал пять книг: «Три сражения» (1945), «Служу Родине» (1949, 1950, 1951), «В воздушных боях» (1951, 1971), «Праздник Победы» (1963), «Верность Отчизне» (1967, 1969, 1971, 1972, 1975) — причем последняя является и наиболее полной, включающей в себя содержание всех остальных. Ее переиздание мы и предлагаем вниманию читателей.

¹ На центральной полке главное место занимала выполненная под книгу фляга с названием «В небе Купянщины» и атакующим «лавочкиным».